

РЕГИОНАЛЬНЫЙ «ДРЕЙФ» В САМОСОЗНАНИИ И ИДЕНТИЧНОСТИ РУССКИХ В СИБИРИ

Сергей Васильевич Путилов

Сибирский государственный университет геосистем и технологий, 630108, Россия, г. Новосибирск, ул. Плахотного, 10, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры правовых и социальных наук, тел. (383)201-19-17, e-mail: putilovsv@yandex.ru

В статье рассматриваются некоторые особенности важнейших этапов формирования сибирской региональной идентичности и причины её актуализации в самосознании русского населения Сибири.

Ключевые слова: русские, самосознание, региональная идентичность.

REGIONAL «DRIFT» IN THE CONSCIOUSNESS AND IDENTITY OF RUSSIANS IN SIBERIA

Sergey V. Putilov

Siberian State University of Geosystems and Technologies, 10, Plakhotnogo St., Novosibirsk, 630108, Russia, Ph. D., Associate Professor, Department of Legal and Social Sciences, phone: (383)201-19-17, e-mail: putilovsv@yandex.ru

The article discusses some features of the most important stages in the formation of the Siberian regional identity and the reasons for its actualization in the self-consciousness of the Russian population of Siberia.

Key words: Russians, self-awareness, regional identity.

В последние три десятилетия явственно актуализировался и набирает обороты начатый еще в XIX в. научно-гуманитарный дискурс, сопряженный либо напрямую связанный с обсуждением вопросов о своеобразии и самобытности жителей самого крупного российского макрорегиона – Сибири. Разным (как историческим, так и современным) аспектам экзистенции сибиряков, их различным (характерологическим, антропологическим, культурным, социальным, психологическим, поведенческим и прочим) особенностям посвящены научные конференции, монографические исследования, научно-публицистические заметки и размышления, даже отдельные тематически ориентированные журналы (примером которых является, например, содержательно насыщенный электронный журнал «Сибирская заимка», издаваемый некоторое время назад в Красноярске альманах с характерным, остро дискуссионным названием «Национальность – сибиряк» и др.) [1].

В данной работе нам хотелось бы рассмотреть некоторые особенности важнейших этапов формирования сибирской региональной идентичности и причины ее актуализации в самосознании русского населения Сибири.

Сегодня в сибириеведении признано то, что проживающие в сибирских регионах русские вынуждены решать проблему своего соотнесения одновременно с локальной (то есть поселенческой, областной, краевой или республиканской), региональной (сибирской), этнической (собственно русской), религиозной (христианской, православной), метаэтнической (славянской) и общегражданской (общероссийской) идентичностями, а также своеобразного «взвешивания», оценивания значимости для себя каждой из таковых и ранжирования их по степени приоритетности и доминантности.

При этом обнаруживается, что в таком многослойном самосознании русских сибиряков наблюдаются колебания между локальной (региональной), этнической (собственно русской) и общегражданской (общегосударственной) идентичностями. Для данного колебательного процесса сегодня характерен «дрейф», «уход» в сторону региональной идентичности. Именно региональная идентичность для жителей Сибири зачастую является более значимой, чем этническая и общегражданская. Данному «дрейфу» присущ отчетливый динамизм в виде неуклонного количественного роста носителей (субъектов) региональной идентичности. Согласно данным этносоциологических исследований конца XX в. – начала XXI в., «в 1986–1988 годах сибиряками назвали себя 15 процентов опрошенных, в 1994 – 19 процентов, в 2000 – 32 процента, в 2005 – 52 процента, в 2010 – 75 процентов, ... в настоящее время идентифицируют себя с сибиряками около 80 процентов опрошенных» [2].

Ретроспективный обзор материалов, связанных с исследованием сибирской идентичности, показывает, что указанный «дрейф», «уход» в сторону региональной идентичности не является чем-то новым, уникальным для сибирского самосознания – впервые он обозначился еще в конце XVII в., и процесс кристаллизации результатов региональной самоидентификации растянулся на несколько столетий. При этом сибирская идентичность приобрела в своей эволюции отнюдь не линейный характер, проявляясь в виде волн подъема и спада своей актуальности для жителей Сибири.

Как отмечают исследователи [3], процессы актуализации, становления и оформления региональной идентичности жителей Сибири еще в дореволюционный период прошли три этапа.

На первом из них, благодаря включению Сибири в состав России с 1579 г. и взаимодействию нескольких поколений старожильческого и пришлого русского населения с аборигенными народами и имперским центром, начали закладываться основы сибирской идентичности. Явным доказательством ее экзистенции и первым конкретным проявлением становится возникновение к концу XVII в. понятия «сибирянин», позже – «сибиряк», а также созданное среди русских старожилков и распространившееся также на инородческое население общее название сибирской ойкумены – «сибирство». Таким образом, главным итогом первого этапа формирования сибирской идентичности стало ощущение русскими сибиряками своей общности и появление соответствующего ей регионима. Это стало возможным для русских вследствие их длительного совме-

стного проживания и адаптации к весьма непростым (климатическим, социальным, хозяйственным) условиям макрорегиона и осознания объективно слабого – по причине удаленности – политического, экономического и культурного влияния на их жизнь центра страны и европейской России в целом. Последнее обстоятельство определило возникновение в этот период одной из важнейших идентификационных оппозиций «Сибирь – Россия» и начало ее конкретного содержательного наполнения.

С конца XVIII в. фиксируется отсчет второго этапа в формировании сибирской идентичности. Он был спровоцирован началом развития городских центров западных, центральных и восточных регионов Сибири (от Тюмени на западе до Читы на востоке) и ростом численности их населения, а также подъемом в них социально-культурной и экономической жизни. Последний объяснялся отсутствием здесь крепостничества, жесткой сословности и во многом демократичным образом жизни. В таких оптимальных социальных условиях начинается становление региональных интеллектуальных элит, заинтересованных во внутриселенческих и межрегиональных контактах, и вследствие этого инициировавших формирование собственного медиа-пространства – первоначально в виде редких изданий местных газет и журналов. Таковые, освещая особенности жизни в разных территориальных образованиях, формировали, с одной стороны, как целокупный образ территории и образ Сибири как специфического, весьма своеобразного и во многом уникального региона России, а, с другой стороны, закладывали основы «медийного портрета», собирательного образа его жителей, что, в целом, способствовало становлению основ сибирской идентичности и конкретизации различных аспектов самосознания сибиряка.

Несмотря на определенные успехи первых двух этапов, их все же следует квалифицировать как подготовительные. Окончательное оформление сибирской региональной идентичности, приобретение ею устойчивого и осознанного характера происходит в рамках начавшегося в XIX в. третьего этапа, который следует назвать временем становления самосознания численно растущего регионального сообщества, идейно будируемого, прежде всего, его русско-старожильческой частью. Именно благодаря усилиям русских старожилов, хорошо знавших местные экономические, административные, культурные и прочие особенности, удалось повлиять на разработанные при участии М. М. Сперанского и подписанные в 1822 г. императором Александром Павловичем законопроекты, составившие основу последовавших «сибирских реформ», расширивших права коренных народов макрорегиона.

Вместе с тем грубое игнорирование правительством местных особенностей и интересов возвращало и подпитывало все новые противоречия между имперским центром и региональным сообществом, спровоцировавшие возникновение на рубеже 1850–1860-ых гг. протестного движения сибирских интеллектуалов, получившего название «сибирского областничества». Именно представители данного движения, увидевшие в Сибири лишь колонию Российской империи, дали теоретико-концептуальное обоснование уже существовавшему

эмоционально насыщенному комплексу образов и представлений, непосредственно связанных с сибирским макрорегионом, его освоением и проживанием в нем [4].

Сибирские областники (Н.М. Ядринцев, Г.Н. Потанин, С.С. Шашков, Н.И. Наумов, Ф.Н. Усов, Н.М. и Е.М. Павлиновы, И.В. Федоров, И.А. Худяков, Н.Н. Пестерев, С.С. Попов и др.), стоявшие на идейных позициях географического детерминизма и позитивистской социологии народничества, обосновали региональную специфику Сибири (и, прежде всего, своеобразие ее территории, природных ресурсов) и четко обозначили «ключевые элементы сибирской коллективной идентичности: на основе примордиального кода выделили этнологические, территориальные, языковые признаки; на основе общественного кода – сибирские традиции, культуру, формы поведения; и на основе трансцендентного кода – заданную положением Сибири между Западом и Востоком ментальность, синтез на ее территории множества культур, религий и традиций» [5]. Благодаря этому сибирское областничество, первоначально выступавшее даже с сепаратистскими лозунгами, но позднее отказавшееся от них в пользу идей регионализма и федерализма, стало выразителем оформившейся сибирской идентичности, выступило фактором объединения и дальнейшего развития сибирской общности под лозунгом «Проснитесь, сибиряки!» [3]. В данном случае совершенно оправданно утверждение о том, что «территория «национализируется» с помощью истории, которую «открывают» интеллектуалы. Сама по себе «территория» – ничто, лишь человеческая вера и страсть придают ей смысл. Никто не станет откликаться на призывы к солидарности, пока они не будут внятно истолкованы» [6].

Таким образом, ретроспективный взгляд на этапы дореволюционного развития сибирства показывает, что, если его первые два этапа были периодами стихийно возникающего регионального самосознания и патриотизма, то в рамках третьего, благодаря усилиям сибирских областников, сибирская идентичность уже проходит фазы теоретического обоснования и политической актуализации.

В советский период отечественной истории в соответствии с принятым курсом на формирование единой «советской общности» любые областнические тенденции априорно рассматривались как враждебные и лишь в критическом ключе. Вследствие этого региональная идентичность, автоматически ставшая частью общесоюзной, находилась в неактивном состоянии. Из такового она ненадолго выходила в виде трех, как минимум, волн своей актуализации в самосознании сибиряков, а именно – в годы Октябрьской революции и гражданской войны в Сибири, Великой Отечественной войны, а также в период освоения новых земель и общесоюзных ударныхстроек. Своеобразной интеллектуальной подпиткой для эволюции сибирской идентичности в 1970–80-ые годы можно рассматривать исследования ученых того времени, давшие начало регулярно издаваемым сборникам научных статей о Сибири (как, например, «Вопросы истории Сибири»), издаваемую с 1969 года серию «Литературное наследство

Сибири», где, среди прочего, публиковались работы представителей сибирского областничества, и др.

После распада СССР процесс утрачивания общесоюзной идентичностью своей актуальности в российском социуме произошел не сразу, и некоторое время в самосознании значительной части россиян и, в частности, сибиряков будировались идеи реверсивного, попятного движения общества назад в СССР.

Вследствие этого идейного брожения и социальной неустроенности в 1990-ые годы сибирская идентичность попадает в весьма щекотливую ситуацию реального «двоевластия» социальных идентичностей, когда на некоторое время в умах россиян, и сибиряков в частности, сохраняется актуальность общесоюзной идентичности и отсутствие таковой у нарождающейся общероссийской. В результате сибирская идентичность «выпадает» из структуры «уходящей» общесоюзной идентичности, но до второй половины 1990-ых годов так и не торопится войти в структуру только лишь заявившей о себе, а потому еще не определенной и не совсем внятной общероссийской. Она приобретает признаки относительной самостоятельности и одним из эффектов ее «свободного дрейфа» стало инициирование движениями в разных сибирских регионах идей независимого от федерального центра существования в рамках автономных административно-хозяйственных образований (идей создания Дальневосточной, Забайкальской, Красноярской и прочих «республик»).

Нынешний ренессанс сибирской региональной идентичности, начавшийся с рубежа 1990-ых – «нулевых» годов, имеет под собой определенные основания. На наш взгляд, можно выделить целый комплекс причин данного регионального смещения и сдвига в структуре многослойной идентичности русских сибиряков. Эти причины различны как по степени общности (глобальные и локальные), так и по отношению к бытию и сознанию сибиряков (внешние и внутренние). Назовем наиболее существенные из них.

Во-первых, актуализация сибирской региональной идентичности провоцируется и подпитывается идеями и примерами успешного воплощения в жизнь ставших в последние десятилетия весьма активными и значимыми в экономическом и политическом плане регионализмов как движений разных наций, народов, социальных групп, общностей и территорий, претендующих на получение правовых оснований для своего автономного существования либо требующих для себя определенных преференций. С данной позиции феномен сибирства не вызывает удивления и предстает одним из многих конкретных проявлений тенденции к национальной, этнической, культурной и т.п. фрагментации, обособлению, партикуляризму, обусловленному мнимыми или реальными угрозами процесса глобализации и опирающемуся на рост самосознания и мобилизационных возможностей субъектов регионалистских движений.

В этом плане историческая эволюция сибирства легко укладывается в предложенную М. Хрохом схему основных фаз развития любого национального движения: от стихийно формируемого регионального самосознания и местного патриотизма через политическую актуализацию и теоретическое конст-

руирование местными интеллектуалами (политиками, общественными деятелями, учеными) региональной социокультурной идентичности к выдвигению идей административно-хозяйственной автономии и даже государственного сепаратизма [7].

Следующей причиной актуализации сибирской идентичности являются, как это не странно, исторические особенности эволюции русского этнического самосознания в Сибири. Для этой эволюции, как отмечают этнографы, было характерно «постоянное расширение русскими территории обитания, за которым не поспевал естественный рост численности этнопопуляции, и включение в нее все новых неславянских этнических компонентов препятствовали прочной внутренней консолидации русского этноса, постепенно размывая его... и не позволяя, таким образом, «замкнуться на себе и в себе». Следствием процессов миграции, аккультурации и ассимиляции стали нечеткие этнографические признаки, обилие региональных специфических культурных черт и довольно аморфное этническое самосознание» [8].

Данная историческая особенность, к сожалению, вполне коррелирует с особенностями нынешнего состояния и эволюции самосознания русских сибиряков. У них выявляемые показатели потребности ощущать себя частью русской этнообщности (т.е. потребности в этнической солидарности с «русским миром») значительно ниже минимальных показателей, демонстрируемых опрошенными респондентами из других российских этносов и «титულных» наций. Потому неудивительно, что у значительной части русских сибиряков отсутствуют четкие критерии этнического самоотождествления и возникают трудности при четком определении своей этнической идентичности. В результате последняя, согласно выводам М.А. Жигуновой, может быть квалифицирована «как кризисная, поскольку отличается сложностью и противоречивостью, множественностью и многомерностью определений и некоторой аморфностью. Зачастую не совпадает реальная и декларируемая этническая самоидентификация; собственно этническая идентичность подменяется региональной, конфессиональной, гражданской, сословно-групповой и др.» [9].

Данная причина сегодняшнего размывания этнической идентичности, катастрофического снижения ее значимости и, напротив, актуализации региональной идентичности в самосознания русских сибиряков детерминирована и предопределена, в свою очередь, следующими обстоятельствами. Русские, уже с конца XVII в. и по сегодняшний издавна численно преобладавшие и преобладающие в этнодемографической структуре населения России в целом (в 2010 г. – 80,9 %) и Сибири (в 2010 г. – 84,0 %), в частности, в нескольких последних поколениях явились основой и своеобразным «материалом» для реализации двух наднациональных проектов – вначале «строительства» «советской общности» людей, а ныне – российской «гражданской нации». В том и другом случае неизбежно происходило и происходит игнорирование определенных моментов в существовании многообразия этнических культур и идентичностей в России, и, в частности, попытка заменить этноним «я – русский» на соответственно формулы «я – советский», «я – россиянин».

Еще одной из весомых причин актуализации сибирской идентичности является формально равнодушное к сибирским проблемам, а зачастую демонстративно пренебрежительное отношение центра, европейской России и «цивилизованного мира» к Сибири как к некоей дикой, отсталой «периферии», некогда являвшейся местом каторги и ссылки, а сегодня выступающей исключительно «производственно-сырьевой площадкой». Подобное восприятие и оценки Сибири способствуют, с одной стороны, появлению в сознании русских сибиряков ощущения низкого качества их «места» и «чувство региональной социально-экономической ущемленности», и однако, с другой стороны, как это уже бывало, «выстраиванию иной, конкурирующей с «большой русской нацией», сибирской идентичности» [10].

Немаловажную роль в росте сибирской идентичности играет, на наш взгляд, и отсутствие внятно сформулированного на государственном уровне перспективного образа Сибири и ее особой миссии в развитии страны, а также активной презентации макрорегиона на внутрисибирском и мировом уровнях. В результате подобный образ Сибири и активная презентация ее огромных возможностей формируются и идут из самих сибирских регионов: сегодня бренд «Сибирь» активно используется на всем пространстве к востоку от Урала, напоминая о себе ярлыками товаров, названиями спортивных команд и бизнес-структур», а «особое геополитическое, экономическое и социокультурное качество и значение Сибири стало устойчивым стереотипом в СМИ и вошло во множество социокультурных конструктов» [11].

На наш взгляд, учитывая численное преобладание русских в этнической структуре населения Сибири, необходимо предпринять определенные инициативы, которые бы могли переломить создающуюся (объективно – не совсем позитивную по своей направленности ввиду возможного роста сепаратистских настроений и идей в сибирских регионах) ситуацию с непростой эволюцией самосознания русских сибиряков, и остановить его колебания и определяемое им напряжение между локальной (региональной), с одной стороны, и этнической (собственно русской), и общегражданской идентичностями, с другой. При этом, на наш взгляд, данные инициативы должны иметь государственную поддержку. Известно, что уже в дореволюционных правительственных кругах было осознание того, что для усиления восточных границ страны следует «разредить население национальных окраин «русским элементом», «помимо решения военных и административных задач создать необходимую критическую массу русского населения, которое и станет демографической опорой государственной целостности» [12]. Сегодня это важно и необходимо именно потому, что «в ближайшем будущем русские также будут составлять основную часть населения Сибири и определять направленность этносоциальных процессов в ней» [13].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. См.: Сибирь. Проблемы сибирской идентичности / под ред. А.О. Бороноева. – СПб.: Астерион, 2003; Образы Сибири в общественном сознании россиян XVIII в. – начала XXI в. –

Новосибирск, 2006; Сибирское общество в условиях трансформаций конца XIX – начала XX вв.: идентичность и стратегии поведения. – Омск, 2009; Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности: методология, методика и практики исследования: тезисы межд. науч. конф., 14–15 октября 2014 г. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 2014; Путилов С.В., Путилова И.В. Русские в Сибири на переломных этапах истории: Монография. – Чита: ЗапИЖТ, 2008. – 256 с. и др.

2. Жигунова М. Сибиряк как новая национальность: миф или реальность? // Родина. – 2011. – № 11. – С.12, 13.

3. Бороноев А.О. Проблемы динамики сибирской идентичности // Общество. Среда. Развитие. – 2010. – № 3 (16). – С. 81.

4. Шиловский М.В. Сибирское областничество в общественно-политической жизни региона во второй половине XIX – первой четверти XX вв. – Новосибирск: Сова, 2008. – 270 с.; Ремнев А.В. Колония или окраина? Сибирь в имперском дискурсе XIX века // Российская империя: Стратегии стабилизации и опыты обновления. – Воронеж, 2004; Областническая тенденция в русской философской и общественной мысли: К 150-летию сибирского областничества: сб. статей / под ред. А.В. Малинова. – СПб.: СПбГУ, 2010. – 178 с. и др.

5. Зайнутдинов А.Э. Сибирское областничество: историко-социологический анализ: автореф. дис. ... канд. социол. наук. - СПб., 2012. – С. 9.

6. Баберовски Й. Цивилизаторская миссия и национализм в Закавказье: 1828—1914 гг. // Новая имперская история постсоветского пространства. – Казань, 2004. – С. 326.

7. Хрох М. Ориентация в типологии // AbImperio. – 2000. – № 2. – С. 15.

8. Шерстова Л.И. Аборигенная политика Московского царства в Сибири: проблема синтеза социально-политических институтов в XVII в. // Вестник Томского государственного университета. Серия «История. Исторические науки». – 2012. – № 18. – С. 93.

9. Жигунова М.А. Этническая самоидентификация русского населения Западной Сибири в начале XXI века // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – 2008. – Т. XIV. – № 1. – С. 317.

10. Головнева Е.В. «Чувство места» в Сибири: эмоциональный компонент сибирской идентичности // Вестник Томского государственного университета. Серия «Культурология и искусствоведение». – 2017. – № 28. – С.20–21.

11. Ремнев А.В. Национальность «сибиряк»: региональная идентичность и исторический конструктивизм XIX в. // Политика. – 2011. – № 3 (62). – С. 110.

12. Ремнев А.В. Сделать Сибирь и Дальний Восток русскими. К вопросу о политической мотивации колониционных процессов XIX – начала XX века // Культура русских в археологических исследованиях: сб. науч. тр. – Омск, 2002. – С. 16.

13. Попков Ю.В., Тюгашев Е.А. Современные этносоциальные процессы в Сибири // Этносоциальные процессы в Сибири: тематич.сб. –Вып. 10 / отв. ред. Ю.В. Попков. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2015. – С. 111.

© С. В. Путилов, 2019